

Поддьяков А.Н. Атрибуция враждебных и добрых намерений и совладающее поведение // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 8. <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/856-poddiakov30.html>.

English version: [Poddiakov A.N. Attribution of hostile and good intents, and coping behavior](#)
Высшая школа экономики, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Литература](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Стратегии совладания с трудностями и отношение к ним зависят от того, считает ли субъект трудность: а) возникшей без чьего-либо вмешательства и намерения (пример – природное явление) или же б) созданной преднамеренно. Во втором случае стратегии совладания принципиально зависят от того, как субъект атрибутирует намерения создателя трудностей – считает ли он, что трудность создана с враждебными намерениями по отношению к нему или же с добрыми. Обсуждаются возможности объединения подходов к анализу совладающего поведения и атрибуции намерений. Приводятся данные опроса о совладании с трудностями, возникшими без чьего-либо намерения и созданными специально.

Ключевые слова: совладающее поведение, атрибуция намерения, намеренно созданные трудности

Отличается ли совладание с трудностями, возникшими без чьего-либо намерения, от совладания с трудностями, которые, по мнению человека, созданы кем-то специально? А в случаях преднамеренно созданных трудностей есть ли специфика эмоционального реагирования и способов поведения тогда, когда человек считает, что эти трудности созданы с целью нанести ущерб его интересам, и тогда, когда он считает, что трудности призваны принести ему пользу (например, благодаря решению сложных, но полезных задач)?

С точки зрения здравого смысла данные вопросы должны носить скорее риторический характер. Факт вполне очевидный – взрослые нормальные люди (а в ряде случаев и дети) различают ситуации столкновения с ни от кого не зависящими трудностями и трудностями, созданными кем-то преднамеренно. Это проявляется и в повседневной жизни, когда вина другого человека оценивается по тому, вольно или же невольно («нечаянно») он создал те или иные трудности другому, и в юридической практике, различающей обстоятельства непреодолимой силы, а также неумышленные и умышленные деяния, и во многих других областях. Аналогично, можно обоснованно полагать, что восприятие человеком трудности как такой, которая вызвана естественными, ни от кого не зависящими причинами, или же такой, которая создана для него кем-то преднамеренно, может существенно влиять на его отношение к этой трудности, на эмоциональное реагирование и стратегии поведения.

В случае же преодоления специально созданной трудности может быть важно, считает ли человек, что ее создали с конструктивными, развивающими целями или же с деструктивными.

Несмотря на кажущуюся очевидность этих противопоставлений (трудности, возникшие без чьего-либо вмешательства / трудности, *намеренно* созданные другим человеком; трудности, созданные с позитивными целями / трудности, созданные с негативными целями),

исследований в этой области немного. С одной стороны, подчеркивается, что особенности совладания тесно связаны с атрибутированием причин возникших проблем, отнесением этих причин к контролируемым (таким, которыми можно управлять) или же к неконтролируемым, связаны с локусом контроля и самоэффективностью [Skinner, Zimmer-Gembeck, 2009]. Есть работы, в которых изучается, как приписывание причин проблемы тому или иному источнику (виновник – я, виновник – другой, причина неизвестна) связано с особенностями совладания [Gamble, 1994], каковы особенности совладания, если причиной трудностей человек считает другого субъекта, рассматриваемого, соответственно, как несущего угрозу [Kliewer et al., 1998], как происходит совладание с межличностными конфликтами разной степени остроты [Baumgartner, Strayer, 2008; Zimmer-Gembeck et al., 2013] и т.п.

С другой стороны, несмотря на, казалось бы, совершенно очевидный и даже напрашивающийся переход от такого рода исследований к исследованиям целенаправленности в создании трудностей, нам не удалось среди работ по совладающему поведению найти те, в которых изучался бы аспект воспринимаемой человеком преднамеренности созданных проблем, а также атрибуция намерения – доброго или враждебного – лежащего за созданной трудностью.

Но это касается именно работ по совладающему поведению. При этом существует целый пласт практико-ориентированной научной и популярной литературы, написанной в рамках других подходов. В ней авторы дают читателям рекомендации, как надо совладать с трудностями, преднамеренно созданными другими людьми, и выносят оценки тому или иному способу поведения. Эти рекомендации и оценки могут различаться вплоть до противоположности в зависимости от исповедуемого авторами подхода (от позитивной психологии до психологии конфликта) и от предполагаемой целевой аудитории (начиная с самоактуализирующихся личностей, нацеленных на самосовершенствование и позитивное мышление, и заканчивая теми, кто желает одерживать победы любыми способами). Так, в книжных магазинах можно встретить книги, ориентирующиеся на массовый спрос, под названиями типа «Руководство стервы». Их авторы обсуждают именно специально созданные трудности: как их генерировать для других и как на них реагировать жесткой, бескомпромиссной особе – «идеальной стерве». Имеются и не столь радикальные руководства – например, книга Л.Гласс [Glass L.] «Вредные люди: пособие, как с ними бороться», основная идея которой состоит в следующем: «приобретение навыков противодействия трудным людям даст вам шанс стать свободной и творческой личностью и жить наконец захватывающей и полноценной жизнью» [Гласс, 1997, с. 11]. Также есть профессиональные руководства для менеджеров – например, книга «Темная сторона поведения на работе» [Фернхам, Тейлор, 2005]. В ней дается широкий спектр рекомендаций, как себя вести с различными типами сотрудников, намеренно создающих трудности фирме (в виде распространения дискредитирующих слухов, увода клиентов, воровства, намеренно некачественной работы, прямого вредительства и т.д.). Дается диапазон примеров реагирования менеджеров – от тонкой психологической работы с таким человеком до жестких мер различного рода; в любом случае эта работа связана с пониманием намерений данного субъекта – уже осуществленных и пока формирующихся.

При экстремальных событиях атрибуция намерения играет ключевую роль. В.А.Соснин пишет, что психологические последствия и способы реагирования в случае стихийного бедствия или же сопоставимого по масштабам террористического акта принципиально различны. «Интенционность (т.е. осознанная целенаправленность) акта терроризма выступает в качестве знакового фактора, дифференцирующего реакции жертв естественной катастрофы от реакций жертв террористической атаки» [Соснин, Нестик, 2008, с. 198].

Отсутствие различения некоторыми психологами и психотерапевтами психологических последствий естественной катастрофы и исполнения намеренно преступного деяния приводит к тому, что мероприятия по психологической поддержке и реабилитации, проводимые по схеме работы с жертвами естественных катастроф, приводят к обратным результатам – ухудшению состояния жертв террористической атаки, поскольку им предлагают не те стратегии реагирования и совладания [Там же, с. 199–200].

Вопрос о том, почему в работах по совладающему поведению игнорируется аспект преднамеренности создаваемых трудностей (возможная причина – стихийно оформившиеся междисциплинарные границы и фокусы интересов), заслуживает отдельного изучения. Мы же здесь обратимся к одной из областей, объективно связанных с совладающим поведением, – к психологии агрессии. Многие опросники совладающего поведения имеют шкалу, диагностирующую агрессию как одну из копинг-стратегий, – правда, без анализа атрибуции намерения (до него дело не доходит). Напротив, как раз в психологии агрессии существует большое число исследований, посвященных атрибуции враждебного намерения (*hostile intent attribution*), то есть тому, считает ли человек, что другой действует, руководствуясь враждебностью, а также ошибкам этой атрибуции (*hostile attribution bias*, см., например, [Берковиц, 2002]). Исследований связей атрибуции враждебного намерения с агрессивностью настолько много, что по ним уже несколько раз проводился метаанализ [De Castro et al., 2002; Yeager et al., 2013]. Общий вывод этих метааналитических исследований таков: имеется надежная положительная связь между атрибуцией враждебного намерения, агрессивным поведением и агрессивностью как личностной чертой. А именно, если человек считает, что действие в отношении него совершено с враждебными намерениями, он более склонен действовать агрессивно; с другой стороны, более агрессивные личности чаще склонны приписывать другим враждебные намерения.

Кроме того, показано, что умение правильно идентифицировать скрытые враждебные намерения является важнейшей частью профессиональной компетентности лиц, сталкивающихся с агрессией по долгу службы: сотрудников служб безопасности на транспорте и в других общественных местах [Stekkinge, 2012], полицейских, военных, воюющих на территории, где часть местного населения ведет партизанскую войну против этих военных и внешне неотличима от невоюющих жителей, и т.д. Также это умение необходимо и обычным людям – будь то идентификация намерений подозрительного типа на вечерней улице или же конкурента в офисе, стремящегося использовать нечестные методы соперничества, и т.д.

Методы изучения атрибуции враждебных намерений

Атрибуция враждебных намерений изучается различными методами, приведем несколько примеров.

Опросы о воображаемых ситуациях

Школьнику дается описание следующей ситуации. «Представь себе, что ты спешишь по школьному коридору, где много народа и все мчатся в свои классы, боясь опоздать. Пока ты на ходу высматривал лучший путь, с тобой столкнулся другой школьник, больно задев твое плечо и уронив твой рюкзак. На мгновение он остановился, быстро взглянул на тебя и затем метнулся в свой класс. Как ты считаешь, этот школьник столкнулся с тобой нарочно или случайно?» (варианты ответов по 5-балльной шкале – от «совершенно случайно» до «точно нарочно») [Dodge, 2006; Yeager et al., 2013].

Добавим, что, с нашей точки зрения, для изучения совладания с трудностями, возникшими без чьего-либо намерения, и трудностями, созданными специально, можно использовать и опросники социального и эмоционального интеллекта. Ведь в некоторых из них различие преднамеренно созданных и естественно возникших трудностей выражено вполне отчетливо на уровне самого стимульного материала (хотя и не на уровне анализа результатов). Чтобы показать это, возьмем несколько заданий из Теста эмоционального интеллекта (MSCEIT v. 2.0), адаптированного на российской выборке Е.А.Сергиенко и И.И.Ветровой.

«Когда Роберт ехал домой с работы, его подрезал грузовик с длинным прицепом. Он даже не успел посигналить. Роберт быстро свернул направо, чтобы избежать столкновения. Он был разъярен. Оцените эффективность каждого из перечисленных действий, помогающих справиться с гневом: "Роберт преподал водителю грузовика урок, догнав его через несколько миль и тоже подрезав", "Он кричал во весь голос, посылая проклятия водителю грузовика", "Он поклялся больше никогда не ездить по этому шоссе", "Роберт сказал себе, что такие вещи случаются, и поехал домой"» [Сергиенко, Ветрова, 2010, с. 156].

«После того как у Георгия угнали машину, он установил на своем новом автомобиле сигнализацию. Когда угнали и его новый автомобиль, он сначала испытал шок и сильное разочарование, а затем почувствовал...» (закончите предложение) (Там же, с. 148).

В приведенных заданиях людям задают вопросы о трудных ситуациях, вызванных преднамеренными поступками других людей. А вот примеры другого типа.

«Алиса смотрела телевизор, следя за продвижением урагана по побережью около того места, где жили ее родители. Когда ураган двинулся в направлении дома ее родителей, ее охватила тревога и чувство беспомощности. Но в последнюю минуту ураган отклонился, уйдя в сторону, оставив эту береговую полосу невредимой. Она почувствовала...» (закончите предложение) [Там же, с. 148].

В этом задании людям задают вопросы о трудных ситуациях, возникших без чьего-то намерения, в силу стечения обстоятельств.

Но хотя вопросы о поведении в трудных ситуациях, преднамеренно созданных кем-то, и вошли в задания теста эмоционального интеллекта, при обработке результатов ответы на эти вопросы специально не рассматриваются – хотя могли бы (надо лишь проверить кластеризацию по соответствующим признакам). Это, на наш взгляд, позволило бы проводить более глубокий анализ суждений и ценностных установок респондентов, а также лучше понять феномены социального и эмоционального интеллекта.

Эксперименты с виртуальными участниками

Школьнику предлагается поиграть в онлайн-игру «Кибербол» с двумя неизвестными ровесниками из этой же школы, находящимися в других помещениях. На самом деле роль ровесников исполняет игровой алгоритм, который имитирует следующую ситуацию: эти игроки вначале дважды пасуют мяч испытуемому, а затем перекидывают мяч только между собой. После игры участника спрашивают, действовали ли два других игрока с умыслом исключить его из игры или нет. Испытуемые, атрибутирующие враждебное намерение, отвечают утвердительно («хотели исключить»); не атрибутирующие такого намерения отвечают, что те игроки сделали это ради шутки (атрибуция не враждебного, а иного намерения), что они не поняли правил и плохо освоили игру (отсутствие намерения), что дело было в плохо работавшей компьютерной программе (атрибуция причин внешним

обстоятельствам, не зависящим ни от кого из участников взаимодействия) [Yeager et al., 2013].

В другом, весьма изощренном эксперименте, разработанном К.А.Доджем [Dodge K.A., 1980], школьнику предлагается собрать деревянный пазл из 50 элементов за ограниченное время. Сообщается, что в зависимости от количества собранных элементов он получит один из трех призов различной ценности или же не получит ничего. Также экспериментатор говорит, что в другой комнате ровесник участника тоже будет заниматься таким же пазлом и что комнаты соединены микрофоном и динамиком, так что участники могут переговариваться. На самом деле ровесника нет, его реплики заранее записаны на магнитофон, которым управляет ассистент в другой комнате. После того как участник собирает 13 элементов из 50, экспериментатор объявляет, что сейчас будет небольшой перерыв, забирает недоделанную работу и говорит, что идет показать ее другому участнику. Испытуемый слышит через динамик, как экспериментатор предлагает другому участнику поглядеть на работу первого школьника и уходит (на самом деле это магнитофонная запись). Через паузу испытуемый слышит следующее.

А. В экспериментальной серии «Враждебное намерение» другой участник говорит с враждебной интонацией: «Как много он сделал. Мне это не нравится. Не хочу, чтобы он получил приз, поэтому я это дело поломаю» (слышен треск).

Б. В серии «Дружеское намерение» другой участник говорит с дружелюбной интонацией: «Как много он сделал. Помогу ему – это сюда, это – сюда... (слышен треск). Ой-ой-ой, я не нарочно, не нарочно!» (т.е. это имитация дружеской «медвежьей услуги»).

В. В серии «Трудноопределимое намерение» другой участник говорит с нейтральной интонацией: «Как много он сделал», и через некоторое время слышен треск.

Затем слышно, как возвращается экспериментатор и забирает обе работы. Он входит в комнату реального испытуемого, оставляет работы на столе (одна полностью разобрана, другая собрана частично), говорит, что можно продолжать, и уходит снова. Регистрируются действия испытуемого: улучшение пазла другого участника, его частичная поломка (убирание нескольких элементов), доделка своего пазла, ненаправленная агрессия (удары кулаком о стол, недовольные восклицания и т.п.), попытки поговорить с другим участником по линии связи и т.д. После эксперимента участник награждается лучшим из трех призов – за качество сборки, независимо от количества соединенных элементов своего пазла [Dodge, 1980].

В остроумном эксперименте Д.Наканиши и Ё.Оцубо [Nakanishi D., Ohtsubo Y., 2008] изучались поведенческие реакции взрослых на: а) ситуацию естественного риска, связанного с игрой ни от кого не зависящих случайностей, б) ситуацию так называемого социального риска – риска быть обманутым другим человеком. Эксперимент состоял из двух серий. В обеих сериях на экране компьютера перед испытуемым высвечивались изображения четырех кнопок, которые он мог в той или иной последовательности выбирать, стараясь добиться максимальной денежной прибыли. Выбор кнопки приводил либо к приращению исходного капитала, либо к убыткам – всего можно было осуществить 100 выборов (т.е. это был своеобразный игровой автомат). По результатам эксперимента участнику выплачивалось реальное денежное вознаграждение, зависевшее от успешности этих выборов. Различие между сериями было следующим.

В первой, «природно-климатической», серии испытуемым говорили, что выбор той или иной

кнопки означает заключение контракта с одной из *ферм*, находящихся в разных климатических условиях и, соответственно, приносящих то доход, то убыток в зависимости от обстоятельств.

В другой, «социально-психологической», серии испытуемым говорили, что выбор кнопки означает заключение контракта с одним из *фермеров* и что кто-то из них может время от времени обманывать, вводя испытуемого в убытки.

При этом объективно в обеих сериях использовалась одна и та же программа предъявления кнопок на экране и распределения «ролей» между кнопками. Кнопки А и В были, за счет квазислучайного распределения вероятностей, в среднем проигрышными, кнопки С и D – в среднем выигрышными.

Оказалось, что участники «социально-психологической» и «природно-климатической» серий по-разному реагируют на одни и те же события в ходе эксперимента – хотя объективно они имели дело всего лишь с одними и теми же кнопками в окне одной и той же программы. Основное обнаруженное различие: участники «социально-психологической» серии после крупной потери в 500 денежных единиц, приписываемой нечестности партнера, значительно дольше избегали обращаться к кнопке, вызвавшей этот эффект, чем участники «природно-климатической» серии, пережившие такую же потерю на этой же кнопке, но считающие это следствием естественных, ни от кого не зависящих причин [Nakanishi, Ohtsubo, 2008].

Подчеркнем: если бы участники основывались на чисто рациональном учете вероятностей выигрышей и проигрышей, наблюдаемых ими на разных кнопках, они должны были бы использовать и одинаковые стратегии в обеих сериях. Но представление участников о том, что субъект, который заключил с ними соглашение, затем их преднамеренно обманул, чтобы получить экономическую выгоду, побуждало действовать в данной серии иначе, чем в «природно-климатической».

Онтогенетическое развитие способностей создавать трудности и распознавать трудности, созданные с враждебным или добрым намерением

С.Бенсон рассматривает развитие у детей способности преднамеренно действовать во благо или в ущерб другим. Он показывает, что эта способность проявляется в возрасте 1,5–2 лет, когда дети начинают, с одной стороны, сочувствовать и преднамеренно помогать тем, кто им нравится, а с другой – вредить тем, кто не нравится, – например, специально ломать игрушки, дразнить и т.п. Для того чтобы эта деятельность была эффективной, ребенок должен обладать относительно развитой эмпатией и теорией психического другого человека (theory of mind). С.Бенсон подчеркивает, что эмпатия и сострадание – не одно и то же. Эмпатия как способность к пониманию чувств и мыслей другого человека является источником и сострадания, и жестокости. (Более чувствительные обиды наносит тот ребенок, который понимает, что наиболее обидно для жертвы.) [Benson, 2001].

К.А.Додж формулирует систему положений о развитии атрибуции враждебных и добрых намерений в онтогенезе [Dodge, 2006]. Эти положения важны для понимания того, как ребенок распознает и квалифицирует трудности, с которыми он столкнулся.

По Доджу, изначальным и универсальным для ребенка является приписывание враждебного намерения тому, чье действие привело к негативным последствиям. Тенденция приписывать другому добрые намерения, несмотря на негативные последствия его действий, возникает у детей на третьем году жизни по мере развития теории психического другого (theory of mind).

Базовая задача социальных взаимодействий – научить ребенка идентифицировать поведенческие сигналы, показывающие, что другой, несмотря на последствия, действовал с добрыми намерениями. Такая атрибуция смягчает тенденцию отвечать на ущерб гневом и агрессией. Но данное умение развивается не у всех детей в должной мере. Часть из них продолжает впадать в ошибку атрибуции враждебного намерения и обвинять других в случаях неблагоприятных результатов. На это могут влиять индивидуальные врожденные особенности нервной системы – например, особенности темперамента, импульсивность. Но то или иное социальное окружение, среда может поощрять тенденцию атрибуции добрых или же враждебных намерений, способствуя выработке соответствующих схем поведения.

По К.А.Доджу, личный опыт, способствующий воспитанию у ребенка атрибуции добрых намерений, включает:

- отношения безопасности, доверия и душевного тепла с родителями и ближайшим окружением;
- наблюдение за проявлениями атрибуции добрых намерений со стороны значимых взрослых и детей;
- успешность решения важных задач;
- воспитание в культуре, в которой ценятся сотрудничество и поддержание общности.

Личный опыт, способствующий воспитанию атрибуции враждебных намерений, может включать:

- физическое насилие;
- наблюдение за проявлениями атрибуции враждебных намерений со стороны значимых взрослых и детей;
- неуспех в решении важных задач;
- воспитание в культуре, в которой ценятся самооборона, личная честь и возмездие.

На атрибуцию добрых или враждебных намерений в конкретной ситуации могут влиять также настроение, усталость субъекта, то или иное сочетание внешних угроз и неожиданных обстоятельств и т.д. [Там же].

Отметим, что способность идентифицировать враждебное намерение, возможно, имеет биологические корни (или, по крайней мере, параллели). В сравнительных психологических исследованиях показано, что высшие обезьяны (например, шимпанзе) весьма неплохо понимают чужие намерения – и дружественные, и враждебные. М.Томаселло (Tomasello M.) на Международном психологическом конгрессе в Берлине в 2008 г. показывал видеозапись следующего эксперимента. Человек пытается просунуть конфету через узкое окошко в клетке шимпанзе, но все время роняет и роняет. В одном случае экспериментатор действует так, словно очень старается, но у него не получается. У него сосредоточенное выражение лица, он старательно доносит лакомство почти до самого отверстия, уже начинает пропихивать, но выпускает из рук, выражая мимикой и вздохами досаду, и начинает сначала. Во время всех этих попыток обезьяна не отходит от отверстия, вытягивает губы, пытаясь перехватить падающую конфету, горестно вздыхает при падениях – участвует и сопереживает. Во втором случае человек физически производит те же самые действия руками, но мимикой показывает, что дразнит обезьяну, – поднесет и издевательски выронит. Та очень быстро уходит в угол клетки и садится там, отвернувшись. Это, по М.Томаселло, означает адекватную атрибуцию враждебного или доброго намерения у шимпанзе.

В целом онтогенетические исследования того, как дети понимают и осуществляют действия во благо или в ущерб другим, проводятся достаточно активно. Но нам не удалось найти систематических исследований того, как дети осознают достаточно сложную идею, что

деятельность во благо другому человеку может осуществляться путем противодействия, создания трудностей этому человеку.

По-видимому, здесь следует говорить о понимании (в данном случае понимания детьми), а также и о создании ими трудностей двух типов:

- 1) таких трудностей для опекаемого, чтобы он не попал в опасную ситуацию, избежал ее;
- 2) обучающих и развивающих трудностей – чтобы опекаемый, попав в дальнейшем в трудную или опасную ситуацию, мог действовать в ней наиболее эффективно.

В обоих типах ситуаций образцом для детей могут являться взрослые. Например, ребенок знакомится с тем, как взрослый вводит ограничения и запреты на различные действия ребенка, поскольку они могут быть для него опасны («Туда нельзя, ты еще маленький», «Не трогай – обожжешься» и т.п.), и в случае неповиновения может применить даже физическую силу. Старший дошкольник, назначенный в няньки более младшему, уже исправно воспроизводит эти функции противодействия подопечному с целью его же защиты.

Предпосылкой понимания детьми помогающих трудностей является деятельность взрослых, дающих ребенку неприятные на вкус лекарства, проводящих болезненные, иногда трудно переносимые медицинские процедуры и т.п. и объясняющих это необходимостью вылечиться. На вопль ребенка, ссадину которого смазывают йодом («Щиплет!»), бабушка хладнокровно отвечает: «Всё плохое выщиплет, всё хорошее оставит», и сама эта идея болезненного, но полезного выжигания, как и ее словесная формулировка могут усвоиться на всю жизнь. Аналогично, процедуры закаливания, физические упражнения, предлагаемые взрослыми, далеко не всегда с восторгом воспринимаются детьми, но сопровождаются объяснениями взрослых о будущей пользе этих мероприятий («Герпи, казак, атаманом будешь», «Тяжело в ученье, легко в бою» и т.п.). Все эти объяснения ребенок усваивает и затем воспроизводит, например, по отношению к куклам или партнерам по игре и позднее по отношению к младшим братьям, сестрам и собственным детям. Таким образом, у ребенка формируется сбалансированная система представлений о различных – деструктивных и конструктивных – целях создаваемых трудностей и об адекватных способах реагирования на них, совладания с ними.

Эмпирическое исследование стратегий взрослых при столкновении с трудностями, возникшими без чьего-либо намерения и созданными специально

Поскольку потенциальные различия всего спектра копинг-стратегий при столкновении с трудностями, возникшими без чьего-либо вмешательства, и трудностями, созданными преднамеренно, ранее не изучались, мы начали проводить исследования в этом направлении. Приведем описание одного из них.

Методы

Методика

Взрослым респондентам предлагалось заполнить следующий опросник.

«Мы изучаем, как люди справляются (или пытаются справиться) с различными трудными ситуациями, возникающими в их жизни. Мы будем очень признательны, если Вы ответите на 2 блока вопросов.

Блок 1

Была ли в Вашей жизни трудная ситуация, возникшая без чьей-то вины, в которую Вы попали в силу стечения обстоятельств? (да/нет).

Если да, что это была за ситуация? (ответ по желанию).

Опишите, пожалуйста, как Вы с этой ситуацией справились (справляетесь), используя приведенные ниже утверждения».

Далее респондентам предлагались 50 утверждений из Опросника способов совладания Р.Лазаруса и С.Фолкмана, адаптированного Т.Л.Крюковой, Е.В.Куфтык, М.С.Замышляевой [Крюкова, 2007]. Напротив каждого утверждения, описывающего ту или иную стратегию (например, «стоял на своем и боролся за то, чего хотел»), респондент должен был поставить число от 0 до 3, обозначающее частоту ее использования (0 – никогда, 1 – редко, 2 – иногда, 3 – часто).

«Блок 2

Была ли в Вашей жизни трудная ситуация, в которую Вы попали из-за того, что кто-то создал ее преднамеренно – для того, чтобы Вы столкнулись с трудностями? (да/нет)

Если да, что это была за ситуация? (ответ по желанию).

Опишите, пожалуйста, как Вы с этой ситуацией справились (справляетесь)».

Далее респондентам предлагались те же 50 утверждений из Опросника способов совладания.

В случае, если респондент отвечал, что он не сталкивался в своей жизни ни с трудностями, возникшими без чьей-либо вины, ни с преднамеренно созданными трудностями, ему предлагалось мысленно представить соответствующую ситуацию и ответить так, как он предполагает, он действовал бы в ней. Данное предложение, задающее еще одно измерение сравнения и анализа (реальные – воображаемые ситуации), а также позволяющее более полно использовать возможности рефлексии каждого участника, внесено М.Р.Хачатуровой.

Что касается выбора Опросника способов совладания Р.Лазаруса и С.Фолкмана, включенного в методику, в дальнейшем мы планируем использовать и проверить не только его, а большинство активно применяемых опросников совладающего поведения и сравнить полученные результаты на предмет различий ответов в блоке 1 (трудности, возникшие без чьей-либо вины и чужого вмешательства) и 2 (преднамеренно созданные трудности). В данном же исследовании мы остановились именно на Опроснике способов совладания по следующим причинам. Он относится к опросникам, ориентированным на особенности ситуации (в отличие, например, от опросников, диагностирующих устойчивые, не зависящие от ситуации стили копинга, которые связаны с личностными чертами человека) [Крюкова, 2007], а для нас важна чувствительность исследовательского инструмента по отношению к разным ситуациям. Кроме того, в измеряемые шкалы этого опросника входит шкала конфронтационного копинга («агрессивные действия по изменению ситуации, определенная степень враждебности»), что может быть важно для оценки поведения в ситуациях преднамеренно созданных трудностей.

Результаты

Подробно результаты описаны в [Поддьяков, 2012b], приведем их резюме.

Один из наиболее интересных результатов состоит в следующем. Наряду с респондентами, ответившими, что они сталкивались с обоими типами трудностей (и с трудностями, возникшими без чьего-либо намерения, и с намеренно созданными трудностями), имеются еще две группы респондентов – с противоположными взглядами на источники тех трудностей, с которыми им пришлось сталкиваться.

Респонденты одной группы считают, что в их жизни не было трудностей, преднамеренно созданных кем-то, а были только трудности, возникшие по стечению обстоятельств. Среди таких трудных ситуаций указывались: несчастные случаи, естественная смерть пожилых родственников, а также и конфликтные социальные ситуации, которые, однако, респондент не рассматривал как созданные преднамеренно (конфликт с подругой, расставание с молодым человеком из-за трудностей совместного проживания и т.п.).

Респонденты другой группы считают, что им не приходилось встречаться с трудностями, возникшими без чьей-либо вины. Это не значит, что они видят чей-то преднамеренный подвох в любой возникшей трудной ситуации. Они считают, что некоторую часть трудностей создали вольно или невольно другие люди, а часть респондент создал себе сам, без чьих-либо специальных усилий. Но в любом случае это представляется особым взглядом на мир некоторой части респондентов – когда в любых трудностях кто-то да является вольной или невольной причиной: либо другие, либо я (как написал один из респондентов, «в любой трудности кто-нибудь виноват»).

Наличие этих групп респондентов было также подтверждено и в последующем исследовании Д.Педченко, выполненном под нашим руководством с другими респондентами [Педченко, 2013].

Анализ описаний трудных ситуаций, созданных преднамеренно, показал, что в эти ситуации респонденты включают и деструктивные трудности (ограбление и попытки справиться с его последствиями; преследования в школе; сознательная ложь учителя, чтобы поссорить одноклассников, и т.д.), и конструктивные (обучение в учебном заведении со сложной программой, напряженные тренировки в спортивном лагере и т.п.).

Наконец, анализ полученных данных показал, что, как и предполагалось, использование разных стратегий совладания различается в случаях столкновения с ни от кого не зависящими трудностями и трудностями, созданными кем-то преднамеренно. Имеются стратегии копинга, частоты использования которых значительно меняются при переходе от естественных, ни от кого не зависящих трудностей к преднамеренно созданным, и есть стратегии копинга, частоты использования которых меняются незначительно. Высокие, значимо отличающиеся коэффициенты вариативности при столкновении с преднамеренно созданными трудностями имели стратегии «принятие ответственности» и «конфронтационный копинг». Это вполне согласуется с данными Г.У.Солдатовой и Е.Ю.Зотовой, которые отмечают, что в ситуации буллинга (преследований) дети отдают предпочтение активным стратегиям совладания [Солдатова, Зотова, 2011]. М.Р.Хачатурова также пишет, что в ее исследовании совладания при конфликтах взрослые респонденты говорили: «Если вижу, что человека интересуется сам по себе конфликт, я могу повести себя агрессивно» и т.п. [Хачатурова, 2011, с. 96].

Заключение

Стратегии совладания с трудностями и отношение к ним зависят от того, считает ли субъект эту трудность: а) возникшей без чьего-либо вмешательства и намерения (пример – природное явление) или же б) созданной преднамеренно. Во втором случае стратегии совладания принципиально зависят от того, как субъект атрибутирует намерения создателя трудностей – считает ли он, что трудность создана с враждебными намерениями по отношению к нему или же с добрыми (с целью помощи в обучении, лечения, в развлекательных целях и т.д. – более полный список см. в [Поддьяков, 2012а]).

Особый интерес представляет развитие понимания конструктивных трудностей (достаточно сложной идеи, что деятельность во благо другому человеку может осуществляться путем создания трудностей этому человеку), а также развитие представлений о том, как на них надо реагировать и как с ними справляться. Нередко от этого понимания зависит эффективность воздействия конструктивных трудностей.

Мы предполагаем, что способности совладания с трудностями, возникшими без чьего-либо намерения, и специально созданными трудностями, могут быть связаны между собой неоднозначными, в том числе отрицательными связями – человек, успешно справляющийся с объективными трудностями, может пасовать перед трудностями, созданными кем-то преднамеренно, и наоборот. Изучение этих вопросов может оказаться существенно важным для понимания многих социальных процессов.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 13-06-00590.

Литература

- Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Гласс Л. Вредные люди: пособие, как с ними бороться. СПб.: Питер Пресс, 1997.
- Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007.
- Педченко Д.И. Особенности совладания с преднамеренно созданными трудностями: выпускная квалификационная работа. Высшая школа экономики, Москва, 2013.
- Поддьяков А.Н. Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей для других субъектов. Содержание, формы и методы обучения в высшей школе: Аналитические обзоры по основным направлениям развития высшего образования, 2012а, 10, 1–80. <http://www.hse.ru/data/2012/12/02/1302310042/complicology10-2012.pdf>
- Поддьяков А.Н. Особенности совладания с преднамеренно созданными трудностями: возможности эмпирического исследования. В кн.: А.К. Болотова (Отв. ред.), Перспективные направления психологической науки. М.: ГУ-ВШЭ, 2012b. Вып. 2, с. 104–120.
- Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Тест Дж.Мэйера, П.Сэловея, Д.Карузо «Эмоциональный

интеллект» (MSCEIT v. 2.0): руководство. М.: Институт психологии РАН, 2010.

Солдатова Г.У., Зотова Е.Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн-ситуация и способы совладания. *Образовательная политика*, 2011, 5(55), 48–59.

Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2008.

Фернхам А., Тейлор Дж. Темная сторона поведения на работе. Как понять, почему сотрудники увольняются, воруют или обманывают вас, и как избежать этого. Киев: Баланс Бизнес Букс, 2005.

Хачатурова М.Р. Самоэффективность личности и ее связь с выбором копинг-стратегий поведения в межличностном конфликте. *Альманах современной науки и образования*, 2011, 9(52), 92–96. http://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2011_9_31.pdf

Baumgartner E., Strayer F.F. Beyond fight or flight: developmental changes in children's coping with peer conflict. *Acta Ethologica*, 2008, 11(1), 16–25. doi:10.1007/s10211-007-0037-7

Benson C. The cultural psychology of self: place, morality and art in human worlds. London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2001.

De Castro B.O., Veerman J.W., Koops W., Bosch J.D., Monshouwer H.J. Hostile attribution of intent and aggressive behavior: A meta-analysis. *Child Development*, 2002, 73(3), 916-934. doi:10.1111/1467-8624.00447

Dodge K.A. Social cognition and children's aggressive behavior. *Child Development*, 1980, 51(1), 162–170.

Dodge K.A. Translational science in action: hostile attributional style and the development of aggressive behavior problems. *Development and Psychopathology*, 2006, 18(3), 791–814. doi:10.1017/S0954579406060391

Gamble W.C. Perceptions of controllability and other stressor event characteristics as determinants of coping among young adolescents and young adults. *Journal of Youth and Adolescence*, 1994, 23(1), 65–84. doi:10.1007/BF01537142

Kliewer W., Fearnow M.D., Walton M.N. Dispositional, environmental, and context-specific predictors of children's threat perceptions in everyday stressful situations. *Journal of Youth and Adolescence*, 1998, 27(1), 83–100. doi:10.1023/A:1022880815914

Nakanishi D., Ohtsubo Y. Do people react differently to natural and social risk? *Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology*, 2008, 2(3), 122–132. http://shell.newpaltz.edu/jsec/articles/volume2/issue3/JSEC2-3_Nakanishi.pdf

Skinner E.A., Zimmer-Gembeck M.J. Challenges to the developmental study of coping. In: E.A. Skinner, M.J. Zimmer-Gembeck (Eds.), *Coping and the development of regulation*. New Directions for Child and Adolescent Development, 124. San Francisco: Jossey-Bass, 2009. pp. 5–17.

Stekking M.R. Can hostile intent be detected by means of signaling? Master dissertation. Twente:

University of Twente, 2012. [http://essay.utwente.nl/62459/1/Stekkinger,_M.R._-_s0111236_\(verslag\).pdf](http://essay.utwente.nl/62459/1/Stekkinger,_M.R._-_s0111236_(verslag).pdf)

Yeager D.S., Miu A.S., Powers J., Dweck C.S. Implicit theories of personality and attributions of hostile intent: a meta-analysis, an experiment, and a longitudinal intervention. *Child Development*, 2013. Online version of record published before inclusion in an issue. 00 (0), 1–17. doi:10.1111/cdev.12062

Zimmer-Gembeck M.J., Skinner E.A., Morris H., Thomas R. Anticipated coping with interpersonal stressors: links with the emotional reactions of sadness, anger, and fear. *The Journal of Early Adolescence*, 2013, 33(5), 684–709. doi:10.1177/0272431612466175

Поступила в редакцию 22 июня 2013 г. Дата публикации: 30 августа 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Поддьяков Александр Николаевич. Доктор психологических наук, профессор, факультет психологии, Высшая школа экономики (Национальный исследовательский университет), ул. Мясницкая, д. 20, 101000, Москва, Россия.

E-mail: apoddiakov@hse.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Поддьяков А.Н. Атрибуция враждебных и добрых намерений и совладающее поведение. *Психологические исследования*, 2013, 6(30), 7. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Поддьяков А.Н. Атрибуция враждебных и добрых намерений и совладающее поведение // *Психологические исследования*. 2013. Т. 6, № 30. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/856-poddiakov30.html>